

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Н. А. Бутинов. *Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй)*. М., 1968, стр. 255 *.

Рецензируемая книга вышла в свет накануне знаменательной даты — столетия со дня отплытия из Кронштадта русского корвета «Витязь», доставившего на Новую Гвинею Н. Н. Миклухо-Маклая, знаменитого русского путешественника, ученого, борца за права угнетенных народов, положившего начало этнографическому изучению папуасов. С тех пор интерес этнографов к Новой Гвинее не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. Выявлены сотни своеобразных по языку и культуре племен. С тем большей остротой ощущается отсутствие обобщающих этнографических работ. Рецензируемая книга, посвященная хозяйству и общественному строю папуасов, первая не только в советской, но и в мировой науке попытка создать такую работу.

Написать обобщающую работу о папуасах Новой Гвинеи — дело нелегкое. Необходимо привести к одному знаменателю несходные, а подчас прямо противоположные, теоретические позиции разных авторов, разобраться в запутанной терминологии, когда одним термином называют разные явления, а разными — одно и то же. Приходится упомянуть и тот факт, что Н. А. Бутинов на Новой Гвинее не был. Последнее обстоятельство, впрочем, для обобщающей работы имеет, наряду с большим отрицательным, и некоторое положительное значение. Пребывание среди одного из многих папуасских племен может «травмировать» (как выражается Эдмунд Лич) исследователя, и он все многообразное население Новой Гвинеи станет представлять себе по образу и подобию этого частного племени. Так случилось, например, с Б. Малиновским — Э. Лич справедливо указывает, что для Б. Малиновского не только папуас, но и вообще «примитивный человек» — это тробрианец (Б. Малиновский изучал тробрианскую этническую общность)¹. В рецензируемой книге такой предубежденности нет, и автор в полной мере справился с той задачей, которую он перед собой поставил, — «обобщить результаты исследований хозяйственной жизни папуасов и их общественного строя» (стр. 5).

Н. А. Бутинов более двадцати лет работает над изучением этнографии Новой Гвинеи. Он принимал участие в подготовке к изданию пятитомного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (1950—1954 гг.), опубликовал статьи об этногенезе папуасов, об этнолингвистических группах на Новой Гвинее, выступал на международном конгрессе с докладом о роде на Новой Гвинее (Токио, 1968). Рецензируемая книга — итог его длительной работы над этой темой.

После общих сведений о стране и населении (гл. I, стр. 10—21) следует глава, посвященная этническому составу. Во введении к книге автор отмечает, что господствующее в буржуазной этнографии «мнение о сильной раздробленности коренного населения не соответствует действительности» (стр. 5). В главе II убедительно показана большая близость соседних языков — автор называет это цепной связью языков. Явление это характерно и для многих других народов, живущих в условиях общинно-родового строя.

Уместно отметить один факт, характеризующий критическое отношение автора к источникам, его научную самостоятельность. Изучая контуры племенных территорий, он был первым, кто обратил внимание на то, что место полевой работы этнографа обычно находится как раз в центре племенной территории. В книге приведен список, в котором указано 45 племен и столько же их «центров». Этот список был бы, вероятно, больше, если бы исследователи в своих публикациях всегда указывали место своей полевой работы. Каждый из них после поездки на остров вводил в науку новое,

* Публикуя две рецензии на дискуссионную книгу Н. А. Бутинова, редакция готова продолжить ее обсуждение. — *Ред.*

¹ E. R. Leach, *Rethinking anthropology*, London, 1963, p. 1.

им открытое, племя. Так постепенно сложилось представление о «лингвистических джунглях» на Новой Гвинее, о наличии там трехсот, пятисот и даже семисот племен. «Что можно сказать о таких племенах? По нашему мнению,— пишет Н. А. Бутинов,— данные не столь надежны, чтобы границы расселения этих племен можно было нанести на этническую карту. Не исключена возможность, что если бы этнографы жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы племенных территорий были бы иными» (с. 26). В науке уже чувствуется потребность в ином термине для этих групп: Хогбин и Веджвуд предлагают термин «фила»². Н. А. Бутинов — конзо (контактная этническая общность). В рецензируемой книге эта тема занимает немного места (стр. 24—27), но за этими страницами стоит большой труд автора по обобщению и анализу многочисленных источников³.

В главе III приведены сведения о размерах и типах деревень на острове, земельном цикле, обмене, прослежены изменения в хозяйстве и материальной культуре папуасов за последние сто лет, охарактеризованы такие новые явления, как папуасский рабочий класс и папуасские кооперативы.

Так автор постепенно подводит читателя к основной проблеме книги — социальной структуре папуасов, элементами которой в большинстве районов острова до сих пор являются община, семья и род. Глава IV посвящена папуасской общине, глава V — семейной жизни папуасов, глава VI — родовой организации, глава VII — терминологии родства.

Стержнем всего исследования является родовая община как основная экономическая ячейка доклассового общества. Это позволяет Н. А. Бутинову начать свой анализ общественных отношений у папуасов с того, что лежит в основе этих отношений — с экономики. Автор всесторонне рассматривает хозяйство папуасской общины — добывание средств к жизни, поло-возрастное разделение труда, хозяйственный цикл, межобщинный обмен, многообразные формы совместного труда, формы собственности.

Глава, посвященная общине, по объему составляет около трети книги. «Папуасская община,— пишет автор,— основная экономическая ячейка на всем острове, за исключением, конечно, городов и пригородных районов» (стр. 71). Вопрос о характере и судьбах папуасской общины имеет немалое практическое значение. В зарубежной этнографии папуасскую общину изучают мало, отводя основное место роду и семье. Автору пришлось по крупницам собирать материал по таким вопросам, как размеры общин, виды совместного труда в общине, характер взаимоотношений между общиной и семьей. На большом конкретном материале показаны шесть видов совместного труда в папуасской общине, в том числе максимальная хозяйственная функция — понятие, введенное в науку автором рецензируемой книги⁴. Столь же подробно проанализированы отношения собственности, владения и пользования. Исходя из этих данных (то есть видов труда и форм собственности), а также соотношения сил общины и семьи, автор выделяет три типа общины на острове: родовую, гетерогенную (или большесемейную) и соседскую, и, помимо суммарного описания, иллюстрирует каждый из них конкретными примерами. В качестве примера родовой общины он приводит общину племени нгаравапум, гетерогенной — общину тробрианцев, соседской — общины моту и конта. Насколько мне известно, это первая в мировой этнографической науке работа, где папуасская община подвергнута столь детальному и обстоятельному рассмотрению.

Большое внимание уделяет автор проблеме соотношения общины и рода на Новой Гвинее. Его решение этой проблемы широко известно среди специалистов. Так, Н. А. Кисляков резюмирует концепцию Н. А. Бутинова следующим образом: «У Н. А. Бутинова ядро общины совпадает с родом, и при этом община, как таковая, антагонистична семье (чтобы сохранить свое существование и хозяйственное единство, община «борется» с семьей, стремится всячески умалить роль семьи)»⁵.

На этом фоне особенно очевидна беспочвенность утверждения, будто Н. А. Бутинов, а заодно с ним и автор этих строк, «перешли на позиции «неопатриархальной» теории, в результате чего неизбежно обрекли себя на повторение в новой форме давно уже известных положений»⁶. В рецензируемой книге, напротив, предложено

² H. Ian Hogbin and C. H. Wedgwood, *Local grouping in Melanesia*, «Oceania», vol. LXIII, N 4, 1953, p. 253.

³ В рецензируемой книге нет подробного анализа условий полевой работы зарубежных авторов, нет географических карт, но все эти материалы можно найти в другой работе того же автора. См.: Н. А. Бутинов, *Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи*, «Труды Института этнографии», т. 80, М.—Л., 1962.

⁴ Н. А. Бутинов, *Разделение труда в первобытном обществе*, «Труды Института этнографии», т. 54, 1960. Эта статья издана отдельно на английском языке: N. A. Butinov, *Problems in the history of primitive society*, Jerusalem, 1962.

⁵ Н. А. Кисляков, По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации», «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 88.

⁶ Ю. И. Семенов, Проблема начального этапа родового общества, «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 175.

немало новых, оригинальных решений проблем первобытности, и нет даже намека на попытку рассматривать семью как исходный социальный институт, из которого развились род, племя, государство, как это было свойственно сторонникам патриархальной теории. Огромный фактический материал, собранный этнографами за последние десятилетия, подтвердил правильность вывода Энгельса о сосуществовании на низшей ступени варварства, то есть в неолите, рода и парной семьи⁷. По мнению некоторых археологов, признаки парной семьи можно найти еще раньше, в верхнем палеолите. Так, исходя из анализа стоянок и жилищ этой эпохи, Г. П. Григорьев пишет: «В верхнем палеолите существовала парная семья, палеолитические общины состояли из 5—10 таких семей, реже 15—25»⁸.

Если полностью доверять зарубежным источникам, то можно прийти к выводу, что основной экономической ячейкой у папуасов является индивидуальная семья. В действительности, однако, все основные виды хозяйственной деятельности — рубка леса, первичная обработка почвы, постройка хижин и т. д. — производятся совместно всеми или почти всеми трудоспособными членами общины. Семья не в состоянии справиться в одиночку с этими работами, и материалы, в изобилии приводимые в рецензируемой книге, показывают, что в экономическом смысле папуасская семья составляет часть общины, что она не является самостоятельной и независимой хозяйственной ячейкой общества. Вопросу о соотношении общины и семьи автор посвящает специальный раздел «Общинное и семейное начало в труде и собственности» (стр. 113—118). Здесь подробно и обстоятельно показано, как общинный принцип во всех важных сферах жизни одерживает верх над семейным. Но некоторые цитаты из трудов зарубежных авторов можно было бы, с моей точки зрения, снабдить дополнительными комментариями. Так, Н. А. Бутинов приводит слова Уильямса о племени пурари: «Семья обеспечивает себя всем, что ей жизненно необходимо» (стр. 47). Речь в данном случае идет об изготовлении изделий, которые стоят «по значению и по затрачиваемому времени на втором месте» по сравнению с добыванием пищи (там же). Однако недостаточно внимательный читатель может, вырвав эти слова Уильямса из общего контекста рецензируемой книги, прийти к ошибочному выводу, что семья у пурари является основной экономической ячейкой. На самом же деле такой ячейкой является община, которая не случайно стоит в центре исследования Н. А. Бутинова. «Подсечное земледелие, даже при наличии железных орудий, требует усилий по крайней мере большой семьи. У папуасов, с их каменными и деревянными орудиями, оно требует усилий всей общины» (стр. 79). А из совместного труда естественно вытекает коллективная собственность членов общины на землю. И в разделе, посвященном формам собственности, автор подробно анализирует отношения собственности в общине, показывая их подчас сложный характер, связанный с переплетением праг общины, части общины и семьи.

Разобраться во всем этом автору помогают применяемые им категории собственности, владения и пользования. Как убедительно показано в книге, фактическим субъектом собственности на землю в целом в большинстве папуасских общин является именно община. Семейная собственность на огороды подчинена общинной собственности на землю в целом. Это находится в соответствии с данной Энгельсом характеристикой собственности в родовом обществе как собственности, добытой своим трудом.

Выделение трех частей общины (постоянной, временной и пришлой), двух частей рода (локализованной и нелокализованной) и установление соотношения между ними — большая заслуга автора. Дело в том, что в источниках существует невероятная путаница, зачастую не отличающую не только части общины и части рода одна от другой, но даже род от общины, а если даже их различают по существу, то путают терминологически. «Одни авторы понимают под кланом родовую общину, другие — род, третьи — в одних случаях род, в других — родовую общину» (стр. 192). Немало пришлось потрудиться автору, чтобы не только в теории (это им было сделано раньше), но и фактически «зачеркнуть знак равенства между родом и родовой общиной» (стр. 169). Буквально на каждом шагу ему приходится вносить уточнения в свидетельства одних источников, опираясь на данные других (стр. 176—177), выяснять значение терминов путем их сопоставления (стр. 193). В результате этого огромного труда в новом свете предстают перед нами и отношения собственности в родовой общине. Вопреки утверждениям многих авторов, будто собственником земли является род, автор указывает, что речь идет лишь о локализованной части рода, а не о роде в целом (стр. 176). Что касается временной и пришлой частей общины, то они располагают правом пользования общинной землей. Такой порядок позволяет общине, несмотря на меняющийся ее состав (одни люди из нее уходят, другие в нее приходят), сохранять в целости и единстве принадлежащую ей землю.

Одно из достоинств книги — попытка автора проследить начатки социального расщепления в папуасской общине (стр. 136—142). Это — стадияльно самые ранние формы классовобразования и вместе с тем начало кризиса первобытнообщинного строя. Этно-

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 57.

⁸ Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 155.

графические материалы, связанные с этой очень важной в методологическом отношении проблемой, с каждым годом становятся все многочисленнее и требуют дальнейшего изучения и теоретического обобщения⁹.

В главе, посвященной семейной жизни папуасов, автор уделяет большое внимание институту экзогамии. Примечательно то, что он рассматривает этот институт в главе о семье. Это связано с его пониманием экзогамии как института, имеющего целью уменьшить хозяйственное значение семьи и тем усилить общину. Весьма ценно то, что автор дает сводку мнений самих папуасов о значении экзогамии. Затем он рассматривает такие вопросы, как выбор невесты, плата за невесту, локальность брака, отношения между супругами.

Однако противоречие между общиной и семьей, на наш взгляд, автором преувеличено. Так, согласно концепции автора, «смысл экзогамии в том, чтобы не допустить объединения в семье лиц, близких друг другу по кровному родству, фактическому или предполагаемому», и не будь экзогамии община состояла бы «из прочных семей, в немалой степени обособившихся друг от друга, и каждая из них — от общины в целом» (стр. 152). В действительности, как показывает сам автор в других главах своей книги, этого не происходит, прежде всего, в силу экономических причин, потому, что семья здесь еще не может существовать как самостоятельный и независимый хозяйственный, а следовательно, и социальный коллектив. То же самое и в силу аналогичных же причин имеет место и у тех отсталых в социально-экономическом отношении народов, где родовая экзогамия отсутствует. А когда экономические условия способствуют обособлению семьи от общины, семьи обособляются, несмотря на экзогамию. Мы усматриваем во взглядах автора явное противоречие: экономической обусловленности социальных отношений, хорошо и детально им показанной, противостоит его концепция фатальной противоположности семьи и общины. В таком понимании противоречие между общиной и семьей принимает характер чего-то извечно данного, как если бы извечно существовали некая абстрактная «семья» и некая абстрактная «община». В действительности же противоречие между общиной и семьей само является лишь одним из проявлений развития производительных сил в эпоху первобытного общества, оно постепенно возникает и углубляется с развитием собственности, с появлением прибавочного продукта и т. д. На ранних этапах развития родового строя этого противоречия еще не было, тогда как экзогамия уже существовала. У охотников и собирателей противоречие между общиной и семьей почти еще не ощущается. У земледельцев-папуасов этот конфликт выступает уже значительно рельефнее. Но если и здесь существует жизненная необходимость совместного труда на общинной земле, разве этого одного недостаточно для того, чтобы сплотить общину? Если же возникает необходимость еще в каких-то дополнительных мерах, то это означает, что семья уже хозяйственно окрепла, а необходимость совместного труда исчезает. Очевидно, дело не в экзогамии, не в том, что браки внутри общины запрещены, а в сравнительно низком еще уровне развития производительных сил. В этом — главная причина устойчивости родовой общины. Развитие производительных сил подрывает родовую общину, а вместе с ней и родовую экзогамию.

Трудно согласиться и с пониманием парной, в частности папуасской, семьи, как такой семьи, в которой муж и жена «по крови чужие друг другу» (стр. 167). Ведь это характерно для всякой семьи. В парной семье, по словам автора, муж и жена — «два разных в социальном отношении человека, и каждый из них все время сохраняет свою самостоятельность по отношению к другому» (там же). Если это верно для папуасской семьи, то в парных семьях менее развитых народов — охотников и собирателей — подобное положение наблюдается далеко не всегда.

Глава VI посвящена родовой организации у папуасов. Автор рассматривает род в тесной связи с родовой общиной и выделяет поэтому две части в нем: локализованную (родовое ядро общины) и нелокализованную (тех, кто уходит по браку в другие деревни). Отдельно рассмотрены функции каждой из этих частей рода. Затем рассмотрен характер рода в гетерогенной общине. Такой подход к папуасскому роду представляет немалый интерес, он позволяет вскрыть те его признаки, которые ранее были в тени. По сравнению с ними такой признак, как форма филиации (материнская или отцовская) (стр. 182—188), явно отходит на второй план по своему значению. Автором убедительно показано, что изучение рода не самого по себе, а в связи с общиной таит в себе большие возможности.

Глава VII посвящена терминологии родства. По мнению автора, в терминологию родства отражены не только семейные отношения, но также общинные и родовые, в том числе и такие, которые не являются родственными с генеалогической точки зрения, хотя и являются таковыми с точки зрения классификационной. Автор подробно говорит о имеющихся классификациях систем родства, методах их записи и анализа, и пытается, со своих позиций, дать объяснение некоторых их черт (различение мужской и женской линий, слияние мужской и женской линий, системы типа кроу-омаха).

Восходя от базиса родового строя к его надстройке — системам родства, — автор

⁹ Попытка такого обобщения некоторых новых материалов по Новой Гвинее была сделана и автором настоящей рецензии: В. Р. Кабо, Становление классового общества у народов Океании, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 57—68.

предпринимает оригинальную и убедительную, на наш взгляд, попытку выявить то, что он называет «производственной основой классификационного родства», связав, таким образом, родственную терминологию с производственным базисом общинно-родовой организации (стр. 203—206).

В главе VIII дана краткая характеристика источников и литературы. Весьма любопытна таблица на стр. 227—235, из которой следует, что в одном только 1965 г. в различных районах острова вели полевые исследования около 100 этнографов, антропологов, археологов, лингвистов. К сожалению, среди них не было ни одного советского исследователя.

Таким образом, рецензируемая книга является не только обобщающей работой по хозяйству и общественному строю папуасов Новой Гвинеи — значение ее гораздо шире. Автор ставит в ней (и пытается решить) целый ряд сложных, нередко дискуссионных, проблем, касающихся истории первобытнообщинного строя, сущности социальных институтов в эту эпоху. Дискуссионность книги, ее теоретическая смелость и широта являются, на наш взгляд, большим ее достоинством.

К сожалению, в книге нет резюме на иностранном языке. Правда, на английском языке появились доклады автора на различных конгрессах¹⁰, но они не дают полного представления о содержании книги.

¹⁰ N. A. Butinov, Community in New Guinea, XI Pacific Science Congress, M., 1966; е го же, Clan in New Guinea, M., 1968.

В. Р. Кабо

* * *

Автор рецензируемой работы видит ее особое значение в том, что в ней нашел применение принципиально новый подход к первобытности. Как утверждает Н. А. Бутинов, он в отличие от советских и зарубежных этнографов, принимающих за основную ячейку первобытного общества род, исходит из того, «что основной структурной единицей первобытнообщинного строя является родовая община, в рамках которой осуществляется производство материальных благ и которая не совпадает с родом» (стр. 71—72). Так как, по словам Н. А. Бутинова, «большинство зарубежных этнографов до сих пор убеждено, что у папуасов основной ячейкой является род» (стр. 169), то он видит свою задачу в том, чтобы «показать, что основной ячейкой у папуасов является община» (стр. 74).

Однако в действительности, вопреки утверждениям автора, подавляющее большинство зарубежных этнографов в настоящее время не рассматривает род как основную ячейку первобытного общества. В тех случаях, когда в их трудах встречается утверждение, что основной ячейкой того или иного конкретного общества является клан, то речь, как правило, идет не о роде как таковом, а о том самом объединении, которое Н. А. Бутинов именует родовой общиной. И этого не может не признать и он сам. «Лет сорок назад,— читаем мы в книге,— в этнографической литературе появилось новое определение рода (clan): „Социальная группа, состоящая из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка...“ По существу под кланом здесь понимается родовая община, но ни в коем случае не род» (стр. 192).

Но, может быть, принципиальная новизна подхода автора состоит в том, что он впервые стал обозначать род и родовую общину по-разному, в то время как зарубежные этнографы употребляли для обозначения и того, и другого один и тот же термин? Нет, еще до Н. А. Бутинова американский этнограф Дж. Мёрдок предложил, сохранив термин клан исключительно лишь для обозначения родовой общины, именовать собственно род sibom (sib)¹. Н. А. Бутинов упоминает своего предшественника, но своеобразно: «...Американский этнограф Д. Мардок также попытался отделить род от общины, но сделал это непосредственно. Мардок низвел общину до уровня второстепенного института, „компромиссной родственной группы“, что явно противоречит фактам» (стр. 169). В действительности же Мёрдок совершенно четко и недвусмысленно заявлял, что «община и малая семья суть единственные социальные группы, которые являются поистине универсальными»². Раскрывая отношение между кланом (т. е. родовой общиной) и sibom (т. е. родом), он особо подчеркивал, что главная, решающая роль принадлежит первому, а не второму, т. е. говорил то же самое, что Н. А. Бутинов в рецензируемой книге. И вообще у Н. А. Бутинова нет ни одного принципиального положения по вопросу о соотношении «родовой общины» и «рода», которое отсутствовало бы у Мёрдока³.

Если обратиться к трудам о папуасах Новой Гвинеи, то нетрудно убедиться, что авторы их даже в том случае, когда они говорят о клане, субклане и т. п. как об основных ячейках общества, имеют в виду не столько собственно род, сколько родовую общину, а нередко и исключительно лишь общину. Так, например, Браун и Брук-

¹ G. P. Murdock, Social structure, New York, 1949, p. 67—68.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 68—75.

филд, утверждая, что самой важной ячейкой в обществе чимбу является субклан, определяют его как группу «мужчин, связанных, главным образом, патрилинейным происхождением, вместе с их женами и незамужними дочерьми»⁴. Посписил специально предупреждает, что говоря о клане, он вкладывает в это понятие тот же смысл, что и Мёрдок⁵. В центре внимания Меггита, автора работы об энга, находится клан-поселение, которое он определяет как группу мужчин-сородичей с их женами и детьми, а также с проживающими на территории клана свойственниками и родственниками по матери⁶. А Гитлоу, например, совершенно не упоминая рода, прямо утверждает, что основной, фундаментальной ячейкой общества папуасов Хаген является локальная группа, которую он именует «коной»⁷.

Пройти совершенно мимо этого обстоятельства не смог и сам Н. А. Бутинов. Категорически заявив в главе о папуасской общине, что подавляющее большинство зарубежных этнографов считает основной ячейкой род, а не родовую общину, он, по-видимому, забыв об этом, в главе о родовой организации в разделе «Ошибки в характеристике папуасского рода» уличает Уильямса, Элькина, Берндта, Браун, Брукфилда, Нилса, Райена, Посписила, Вирца и других исследователей в том, что все они, говоря о роде, фактически имеют в виду родовую общину (стр. 193—194). К этому следует добавить, что помимо конкретных исследований имеются и такие обобщающие работы, как труд Хогбина и Веджвуд «Локальное группирование в Меланезии», в котором на большом фактическом материале доказывается, что основной социальной ячейкой в Меланезии вообще и на Новой Гвинее в частности является вовсе не род, а то само образование, которое Н. А. Бутинов называет общиной, а авторы именуют «пэришем» (parish)⁸.

По мнению Н. А. Бутинова, «на Новой Гвинее наиболее широко распространена родовая община, характерная для первобытнообщинного строя периода его расцвета» (стр. 7). Что же касается «гетерогенной общины», свойственной стадии разложения первобытнообщинных отношений, то в развитом виде выступает она лишь у тробрианцев, «в целом же на острове можно наблюдать лишь самые начальные фазы ее развития» (стр. 6). Существует еще также и «соседская община», но лишь вблизи городов (стр. 142—144). Следует сказать, что Н. А. Бутинов очень часто совершенно забывает о существовании им же самим выделенных качественно отличных типов папуасской общины. Нередко мы находим у него характеристику папуасской общины вообще (без различия типов) как отличающейся совместным трудом, общей собственностью, коллективным распределением и потреблением (стр. 74 и др.). Ни к «соседской», ни к «гетерогенной» общинам эта характеристика, как явствует из книги, не может быть отнесена. Рассмотрим, насколько она верна в применении к родовой общине.

Главной категорией, из которой автор исходит при характеристике отношений, существующих в папуасской общине, в частности, в родовой, является понятие совместного труда. Для него совместный труд есть не что иное, как производственное отношение, причем основное (стр. 80, 98, 118—119). Уже само по себе такого рода утверждение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автор не имеет сколько-нибудь отчетливого представления о том, какой именно смысл вкладывает марксистская наука в понятие производственных отношений. Труд сам по себе не есть и не может быть производственным отношением.

В понятие «совместный труд в общине» Н. А. Бутинов вкладывает весьма широкое содержание: этим термином он обозначает и совместный труд членов общины в целом, и совместный труд членов семьи, и совместный труд членов нескольких семей и т. п. «Совместному труду» он противопоставляет лишь «одиночный труд», т. е. труд, совершаемый в одиночку (стр. 96). Таким образом, в качестве единственного и достаточного признака совместного труда у него выступает лишь одновременное участие в трудовом процессе нескольких человек, объединивших свои усилия, и больше ничего. Говоря о совместном труде, Н. А. Бутинов фактически имеет в виду определенные отношения между людьми, но отнюдь не производственные, не социально-экономические, образующие фундамент, основу общества, а технологические, организационно-трудовые. И самое главное — он эти технологические, организационно-трудовые отношения принимает за производственные, за социально-экономические, причем за самые главные, фундаментальные. Тем самым он закрывает себе дорогу к пониманию подлинных социально-экономических отношений, существующих в папуасской общине.

Для него факт совместного участия нескольких людей в трудовом процессе сам

⁴ P. Brown and H. C. Brookfield, *Chimbu land and society*, «Oceania», vol. XXX, № 1, 1959, p. 3.

⁵ L. Pospisil, *The Kapauku Papuans and their kinship organisation*, «Oceania», vol. XXX, № 3, 1960, p. 189.

⁶ M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, «Oceania», vol. XXVII, № 4, 1958, p. 263.

⁷ A. L. Gitlow, *Economics of the Mount Hagen tribes, New Guinea*, New York, 1947, p. 25.

⁸ H. I. Hogbin and C. H. Wedgwood, *Local grouping in Melanesia*, «Oceania», vol. XXIII, № 4, 1953, vol. XXIV, № 1, 1953.

по себе равнозначен наличию между ними коллективистических отношений. А между тем это ошибка. Совместное участие нескольких людей в трудовом процессе имеет место в любом обществе: первобытном, рабовладельческом, феодальном и т. д. — наличие или отсутствие его само по себе еще равным счетом ничего не говорит о существующих производственных отношениях. Участвующие совместно в трудовом процессе могут быть членами коллектива, могут быть самостоятельными мелкими хозяевами, объединившимися временно для решения задачи, которая не под силу каждому из них в отдельности, могут быть рабами, барщинными крестьянами, наемными работниками и т. п. «Совместный труд» может, таким образом, иметь разную социально-экономическую природу в зависимости от наличия в том или ином обществе тех или иных производственных отношений.

В какой-то степени этот факт не может не осознавать и Н. А. Бутинов. «При анализе форм совместного труда, — пишет он, — выявляется, что в некоторых племенах совместный труд начинает утрачивать взаимный характер и служит средством эксплуатации одними семьями других» (стр. 80). Однако, подменяя производственные отношения организационно-трудовыми, он оказывается фактически бессильным отграничить «совместный труд — средство эксплуатации» от «совместного труда — средства взаимной помощи». И в результате столь различные по своей социально-экономической природе явления, как труд всех членов «родовой» общины по расчистке земли под свои огороды и безвозмездный труд всех членов «гетерогенной» общины на огородах вождя зачисляются в одну и ту же рубрику — общинного труда (тамгогула), противостоящего как всем прочим видам совместного труда, так и одиночному труду (стр. 81).

Следует подчеркнуть, что такому виду «совместного труда», как труд всех членов общины (труд тамгогула) Н. А. Бутинов придает особое, можно даже сказать, исключительное значение в своей концепции первобытности. Такой труд по его словам, является главной, основной особенностью родовой общины, определяющей все остальные существующие в ней отношения. Переход ведущей роли от труда всех членов общины к труду части общины означает, по Н. А. Бутинову, начало разложения первобытнообщинного строя, начало перехода от родовой общины к гетерогенной. Естественно, что обоснованию тезиса о главенствующей, ведущей роли труда всех членов родовой общины Бутинов уделяет много внимания.

Как утверждает в книге Н. А. Бутинова, подавляющее большинство папуасских племен и в настоящее время живет «родовыми» общинами. Поэтому, казалось бы, в примерах, подтверждающих выдвинутый автором тезис, не может быть недостатка. Однако дело обстоит далеко не так. Автор приводит данные о существовании такого вида труда только у 16 (по его собственному счёту) племен (абелям, бонгу, бусам, вабаг, вогео, квом, кивай, куман, кутубу, майлу, манам, мбовамб, минье, нарегу, нгаравапум, тробрианцы), а точнее у 15, ибо нарегу есть одна из групп, объединяемых под названием куман. Из этих 15 племен 7 (абелям, бусам, вогео, киван, кутубу, манам, тробрианцы), т. е. почти половина, имеют, как явствует из других мест книги, не родовую, а гетерогенную общину.

Совершенно забывая свои же собственные утверждения о том, что совместный труд всех членов общины играл различную роль в «родовых» и «гетерогенных» общинах, что, во-первых, он был ведущим, а, во-вторых, если и существовал, то имел второстепенное значение, автор приводит данные по всем 15 племенам вперемежку, в алфавитном порядке, совершенно игнорируя различие между племенами с «родовой» общиной и племенами с «гетерогенной». Ему в данном случае важно одно — чтобы такой труд был, а в чем он состоял и какую роль играл — здесь ему совершенно безразлично. В одну группу он зачисляет такие явления, как, например, совместный труд в сфере земледелия — основной форме хозяйства папуасов и совместный труд по постройке мужского дома, который мог иметь место самое большое один раз в несколько лет. В частности, в отношениях четырех племен — трех с «гетерогенной» общиной (бусам, кивай, майлу) и одного с «родовой» общиной (мбовамб) он может указать на совместный труд только в области строительства. Но даже когда Н. А. Бутинов приводит примеры совместного труда всех членов общества в сфере земледелия, то это само по себе тоже ничего не говорит о ведущей роли такого труда в жизни общины. Во-первых, такие примеры приводятся и по племенам с гетерогенной общиной. Во-вторых, указывая, например, на то, что у нгаравапум «все члены общины заняты в расчистке участка леса под огород» (стр. 87), автор совершенно не упоминает, что таким образом расчищался участок под ямс, но не под плантацию бананов, являвшихся главной культурой, основой существования⁹.

Вполне понятно, что тезис о ведущей роли труда всех членов общины в родовой общине остается недоказанным. Мы узнаем лишь, что такой труд существовал у того или иного племени, но никак не более. Такой вывод напрашивался бы даже в том случае, если бы все приведенные автором данные оказались бы достоверными. Но, к сожалению, это далеко не так.

Применяемый Н. А. Бутиновым метод, состоящий в том, что из многообразия сведений, имеющихся о той или иной общине, берется лишь одно, которое в дальнейшем

⁹ K. E. Rea d, The political system of Ngarawapum, «Oceania», vol. XX, № 3, 1950, p. 196—197, 203.

рассматривается в отрыве от всех остальных, порочен даже в том случае, если все приводимые единичные факты сами по себе совершенно достоверны. Но дело еще больше усложняется, когда имеющиеся данные о том или ином объекте противоречивы. В таком случае исследователь, пользующийся характеризуемым методом, обычно выбирает такие сведения, которые его привлекают — в один момент одни, в другой — другие, умалчивая об остальных.

Наглядное представление о том, к чему это ведет, можно получить, ознакомившись, например, с тем, что сообщает Н. А. Бутинов о тробрианцах. «Огород у тробрианцев,— читаем мы на стр. 87,— обрабатывается следующим образом. Все мужчины идут в лес, рубят деревья и кустарники. Затем участок делится на доли по семьям. Сжигание деревьев производит каждая семья на своем участке самостоятельно... Затем вся община работает по одному дню на каждом из семейных участков: возводит забор, производит посадку». Казалось бы все ясно. Но шестью страницами раньше автор категорически утверждал, что «среди тробрианцев труд тамгогула встречается лишь на огородах, принадлежащих вождю или предназначенных для проведения праздников и обрядов (стр. 81). А на странице 132 мы узнаем, что на о-вах Тробриан «на огороде семья работает самостоятельно и справляется со всем, включая расчистку участка. Только на огородах, принадлежащих вождю, применяется общинный труд (тамгогула)». И этот пример, к сожалению, не единичен.

Не отказывается Н. А. Бутинов и от использования для доказательства своих положений в числе прочих и от такого приема, как приведение со ссылкой на труды тех или иных этнографов таких сведений, которые в действительности в этих трудах отсутствуют. Так, ссылаясь на работу Меггита «Энга гор Новой Гвинеи», автор уверяет, что у этого племени «все члены общины участвуют в расчистке и обработке нового огорода» (стр. 84). Однако Меггит не только нигде не говорит об участии всех членов общины в расчистке нового огорода, но, наоборот, специально подчеркивает, что «каждая огородная ячейка или элементарная семья трудится самостоятельно и по своему»¹⁰, что в случае нужды в дополнительном труде глава семьи может совершенно уверенно рассчитывать на братьев, сестер и взрослых детей и с меньшей уверенностью на членов субклана, а также на родственников и родственников по матери¹¹. О возможной помощи со стороны всех членов клана он даже не упоминает. Среди племен, у которых существовал совместный труд всех членов общины, Бутинов упоминает нарегу со ссылкой на работу Браун и Брукфильд «Страна и общество чимбу». И в этом случае в самой работе об участии всех членов общины в расчистке участка не говорится ни слова. Основной группой, в пределах которой практикуется взаимная помощь при обработке земли, является, по мнению Браун и Брукфильда, не только не клан, рассматриваемый Н. А. Бутиновым как община, но даже и не субклан, а подразделение субклана¹². Чувствуя непрочность своей позиции, Н. А. Бутинов в абзаце, посвященном нарегу, говорит лишь об участии в расчистке участка группы в 20 семей, не характеризуя прямо их работу как совместный труд всех членов общины. Такая характеристика дается лишь в самом начале подборки примеров и самом конце, где автор уверяет, что им «приведены только те случаи, в которых несомненно участие в труде всех членов общины» (стр. 87). Тем же приемом он пользуется и при изложении данных о вогео, кутубу, куман (стр. 84—85).

Так обстоит дело с совместным трудом всех членов общины. Автор не только не доказал тезиса о его ведущей роли в жизни «родовых» общин, но не смог доказать даже того, что этот вид труда вообще существовал хотя бы в значительной части тех общин, которые охарактеризованы как родовые. Тем самым вся его концепция первобытности лишается фактической основы: ведь именно из совместного труда всех членов общины он выводит все остальные существующие в родовой общине отношения и прежде всего отношения собственности. Но самое, пожалуй, главное в том, что даже, если бы Н. А. Бутинов сумел доказать существование и ведущую роль труда всех членов общины, то и это мало бы приблизило его к пониманию сущности папуасского общества.

Действительно, вот его основные положения по этому вопросу. «Родовой общине,— пишет он,— свойственно наличие в хозяйстве таких жизненно важных функций, выполнение которых требует совместного труда всех ее членов (расчистка участка в лесу, обнесение его забором, охота на дикую свинью, некоторые способы ловли рыбы, постройка мужского дома, большой лодки). Соответственно этому существует общинная собственность на результаты совместной трудовой деятельности членов общины: огород, дичь, рыбу, мужской дом, большую лодку, большие сети» (стр. 118—119. Разрядка моя.— Ю. С.). Таким образом, существование общинной собственности Н. А. Бутинов выводит из совместного труда всех членов общины. Если встать на его точку зрения, то нужно признать, что там, где мы находим совместный труд, мы должны найти и коллективную собственность на его результаты. Спрашивается, как же объяснить, что у тробрианцев плоды совместного труда всех членов общины достаются не работникам, а вождю? Уже из этого ясно, что наличие или отсутствие совместного

¹⁰ М. J. Meggit, Указ. раб., стр. 305.

¹¹ Там же, стр. 310.

¹² P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 62—64.

труда само по себе ничего не дает, для объяснения существующих отношений собственности.

Поэтому все рассуждения Н. А. Бутинова о собственности в папуасской общине носят схоластический характер. Он без конца говорит об общинной собственности, приводит подборку данных о ней, построенную по тому же принципу и имеющую такую же научную ценность, что и рассмотренная выше подборка данных о совместном труде, однако понять, что собой представляет общинная собственность из его книги невозможно. Возьмем к примеру его утверждение, что совместная расчистка участка в лесу обуславливает общинную собственность на результат этой деятельности — огород. В чем же конкретно проявляется эта общинная собственность, если «в дальнейшем участок делится на семейные огороды, и каждая семья самостоятельно или с помощью ближайших родственников производит посадку, прополку, охраняет урожай и собирает его» (стр. 7) и если этот собранный «урожай принадлежит семье» (стр. 98).

Оборотной стороной собственности на средства производства являются отношения распределения и способы распределения. Можно было бы ожидать, что анализ отношений распределения прольет свет на отношения собственности на средства производства в общине папуасов. Но нас ожидает разочарование.

Н. А. Бутинов на каждом шагу повторяет, что существенным признаком папуасской общины вообще, родовой в особенности, является «коллективное распределение и потребление». Но вот дело доходит до фактов. И мы узнаем лишь, что у киваи распределение дичи является принудительным, что есть примеры, когда человека наказывали, если он, убив свинью, не поделился с другими, что у арапеш и мундугумор охотник, добыв дичь, должен отдать мясо другим и что в «племени сиане урожай, стоящий на корню, принадлежит владельцу огорода, но когда собран и принесен в деревню, он уже принадлежит общине в целом» (стр. 117). И это фактически все, что мы узнаем из книги Н. А. Бутинова о «коллективном распределении и потреблении» у папуасов.

Из всех сообщений лишь последнее относится к основной отрасли хозяйства папуасов — земледелию. Но о тех же самых сиане пятью страницами ранее сообщалось, что у них «мужчина владеет земельными участками, его жена их обрабатывает, ей принадлежит урожай» (стр. 112). А на странице 116, предшествующей той, где говорится о принадлежности урожая у сиане всей общине, утверждалось, что у папуасов семья «имеет хижину, очаг, утварь, огород, участок на общем огороде, свиней, саговые и кокосовые пальмы. Семья потребляет 90% урожая со своих огородов и лишь 10% отдает на нужды общины (на празднества, обряды, плату за невесту для другого общинника и т. п.)».

Вообще папуасское общество, каким встает оно перед нами со страниц книги Н. А. Бутинова, совсем не похоже на то, каким оно предстает в общих декларациях автора. В этом обществе или совсем нет совместного труда всех членов общины или он играет незначительную роль, нет в нем по существу и общинной собственности, фактически отсутствует и коллективное распределение и потребление. Как родовая, так и гетерогенная община предстают перед нами как объединения малых семей, каждая из которых владеет определенным числом участков земли, в значительной степени самостоятельно ведет хозяйство, полностью распоряжается урожаем. В том случае, когда семья не может самостоятельно справиться с тем или иным делом, она либо на время объединяется с другими семьями, когда все они в равной степени заинтересованы в решении этой задачи, либо просто привлекает к себе на помощь тех или иных людей. Отношения между хозяевами и помощниками выступают в примерах, приводимых автором, как строящиеся чуть ли не на коммерческих началах.

Вот, например, картина, которая должна, по мысли автора, дать нам представление ни о чем ином, как о совместном труде всех членов родовой общины, том самом, из которого вытекает общинная собственность и вообще коллективистические отношения, характерные для эпохи расцвета первобытного коммунизма: «Расчистка и обработка нового огорода превышают силы одной семьи и обычно предпринимаются всей группой. Владелец огорода должен вознаградить помощников — он либо помогает им взаимно, либо дает их женам участки для выращивания сладкого картофеля. Однако большая часть огорода остается в его владении, его жена производит посадку и собирает урожай» (стр. 85). И как бы ни призывал Н. А. Бутинов не принимать папуасскую семью за основную экономическую ячейку и даже вообще за экономическую ячейку (стр. 9, 145), она во всей его книге, независимо от его желаний, выступает именно как таковая.

Какая же из двух резко отличных картин папуасского общества верна: та, которую мы находим в декларациях автора, или же та, которая вырисовывается из приводимых в его книге материалов? Ни та и ни другая, обе неверны.

Социально-экономические отношения в обществе папуасов гораздо сложнее, чем они представляются Н. А. Бутинову. Их невозможно понять, если не обратить внимание на существующую у папуасов и имеющую по существу всеобъемлющий характер, очень своеобразную систему обмена. Эта форма обмена качественно отличается от товарообмена и может существовать как в отсутствии последнего, так и рядом с ним.

В трудах зарубежных этнографов, описывающих эту форму обмена, обмениваемый предмет чаще всего именуется даром, а сам обмен нередко называется обменом

даров. Так как в советской литературе никакого вообще термина для обозначения этой формы обмена не существует, а нужда в нем имеется, то мы будем называть его впредь дарообменом.

Роль дарообмена во всех без исключения обществах Новой Гвинеи столь огромна, что по существу нет ни одной сколько-нибудь крупной работы о папуасах, в которой ему не уделялось бы внимания¹³. Однако в книге Н. А. Бутинова места ему среди социально-экономических отношений папуасского общества не нашлось. И это объяснимо.

Дарообмен имеет двойственную природу: с одной стороны, в нем находит свое выражение факт существования коллективной собственности. С другой стороны, с развитием дарообмена необходимо связано возникновение имущественного, а затем и социального расслоения, выделение, с одной стороны, богатых и соответственно влиятельных людей, а с другой стороны, людей сравнительно бедных и маловлиятельных.

Н. А. Бутинов, если и говорит об имущественном неравенстве, то очень бегло и только в отношении племен с гетерогенной общиной. Однако имущественное и социальное неравенство (и по новогвинейским масштабам весьма значительное) почти повсеместно существовало и у племен с родовой общиной, что дало В. Р. Кабо основание для вывода о том, что не часть папуасов, а все они в целом «переживают переходную эпоху — историческую эпоху перехода от доклассового к классовому обществу»¹⁴. В качестве примера можно указать хотя бы на энга, главным богатством у которых, как и у многих других племен, были свиньи. Мы встречаем среди энга мужчин, которые не имели ни одной свиньи и которых соответственно презрительно именовали «рвань-людьми» (*rubbish-men*), и мужчин, владевших 8, 9, 10 и даже 15 свиньями и считавшихся «большими людьми» (*big men*)¹⁵.

Об этом и множестве подобных фактов, относящихся к племенам, находящимся, по мнению Н. А. Бутинова, на стадии расцвета первобытнообщинных отношений, в книге старательно умалчивается. Не получил соответствия в ней освещения и институт «больших людей», являвшийся, как подчеркивают почти все этнографы, занимавшиеся полевыми исследованиями в Новой Гвинее, одной из самых характерных черт папуасского общества. «Большие люди» упоминаются им лишь при описании родовой общины нгаравапум, причем так, что создается превратное представление. «Большую роль в деле укрепления единства общины,— пишет Н. А. Бутинов,— играют „большие люди“ (*garam tzigra*). Это, как правило, пожилые мужчины, которые охотно помогают другим, знают магические средства, древние предания» (стр. 126). Однако, как убедительно показывает Рид, на которого ссылается Н. А. Бутинов, даже у нгаравапум, у которых процесс имущественного расслоения только еще начался, одним из важнейших факторов, обеспечивающих человеку влияние, было богатство. Приведа целый ряд примеров, свидетельствующих об этом, Рид заключает: «Дорога к влиянию, таким образом, ведет через огороды. Лидерство достигается через накопление и раздачу богатств в форме пищи и в прежние времена через военную доблесть»¹⁶.

Свидетельства других авторов еще более определены. Идет ли речь о энга, кайяка, куман, джате, камано, усуруфа, форе, капауку (мы намеренно ограничиваемся лишь племенами с «родовой общиной»), авторы единодушно подчеркивают, что «большие люди» обязаны своим положением в обществе прежде всего богатству, заключающемуся в свиньях, больших огородах, особого рода ценностях, в частности раковинах, украшениях и т. д.¹⁷.

¹³ См. M. Mead, *The arapesh of New Guinea*. In: «Competition and cooperation among primitive peoples», New York and London, 1937, p. 29—34; H. I. Hogbin, *Tillage and collection*, «Oceania», vol. IX, № 3, 1939, p. 289—301; A. L. Gitlow, Указ. раб., стр. 52—70; J. Nilles, *The Kuman of the Chimbu region, Central Highlands, New Guinea*, «Oceania», vol. XXI, № 1, 1950, p. 40—48; A. P. Elkin, *Delayed exchange in Wabag sub-district, Central Highlands of New Guinea*, «Oceania», vol. XXIII, № 3, 1953; M. J. Meggit, *Enga political organisation*, «Mankind», vol. 5, № 4, 1957, p. 136—138; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, Yale, 1958, p. 47—57, 77—88; P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 46—54; K. E. Read, *Leadership and consensus in a New Guinea society*, «American anthropologist», vol. 61, № 3, 1959, p. 428—429; R. Bulmer, *Political aspects of the Moka ceremonial exchange system among Kyaka, people of the Western Highlands of New Guinea*, «Oceania», vol. XXXI, № 1, 1960 и др.

¹⁴ В. Р. Кабо, *Становление классового общества у народов Океании*, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 68.

¹⁵ M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, p. 287.

¹⁶ K. E. Read, *The political system of Ngarawapum*, p. 216. См.: его же, *Social organisation in the Markham Valley*, «Oceania», vol. XVII, № 2, 1946, p. 112—113.

¹⁷ См. J. Nilles, Указ. раб., стр. 40; W. H. Goodenough, *Ethnographic notes on the Mae people*, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 9, № 1, 1953, p. 35; M. J. Meggit, *The Enga of New Guinea Highlands*, стр. 287; L. Pospisil, *Kapauku Papuans and their law*, стр. 57, 80; R. Bulmer, Указ. раб., стр. 57, 80; R. M. Berndt, *Excess and restraint*, Chicago, 1962, p. 174—175 и др.

Именно богатство позволяет «большим людям» распространить свое влияние на более или менее значительное число людей, поставить часть из них в такие отношения зависимости, которые имеют тенденцию перерасти в отношения эксплуатации. Появление зародышевых форм эксплуатации можно наблюдать у капауку, каяка, энга и других племен¹⁸. Что же касается папуасов Хаген, то у них зафиксировано существование особого слоя людей, которые не имели ни земли, ни, как правило, семьи и были вынуждены работать за пищу в хозяйствах вождей¹⁹.

Естественно, что эти и другие сходные с ними факты в рецензируемой книге даже не упоминаются. Ничего в ней не сказано ни о погоне за богатством и престижем, ни о соперничестве как между «большими людьми», так и между теми, кто еще только стремится достигнуть такого положения в обществе. В книге, специально посвященной общественному строю папуасов, почти ничего не говорится о частых конфликтах и стычках внутри папуасских общин, связанных с такими, также замалчиваемыми явлениями, как воровство, нарушение границ земельных участков, преднамеренные и непреднамеренные убийства, нарушения супружеской верности со стороны женщины и т. п.²⁰. Не раскрывается соответственно в ней и механизм улаживания этих конфликтов, получивший детальное освещение во многих работах полевых этнографов. Ничего мы не узнаем о формировании норм обычного права, появлении разнообразных способов возмещения ущерба пострадавшей стороне и, в частности, возникновение «цены крови», т. е. улаживания конфликта путем передачи убийцей определенного количества ценных предметов родственникам убитого и т. п.²¹.

Не нашлось в книге Н. А. Бутинова места и анализу войн, которые вплоть до установления контроля колониальной администрации представляли собой обычное явление и сопровождалось убийствами, насилием, грабежами, сжиганием домов, уничтожением домашних животных, вытеснением посевов, вырубкой плодовых деревьев, а иногда и захватом земли и приводили в ряде случаев к уничтожению целых общин²². В отличие от реального папуасского общества в книге Н. А. Бутинова царят идиллические отношения как внутри, так и вне общины.

Упрощая отношения, существовавшие в папуасском обществе, автор в результате даже не может выделить являющуюся центром его внимания общину из числа других социальных образований; указать, в частности, на признаки, отличающую ее от части общины, с одной стороны, от объединения общин, с другой. «Найти общину,— пишет он,— нетрудно — чаще всего это жители одной деревни» (стр. 190—191). Однако из книги же мы узнаем, что деревня может состоять из кварталов, отделенных друг от друга лесом и столь далеко отстоящих, что «фактически это уже не кварталы деревни, а обособленные поселки» (стр. 38). Спрашивается, а почему эти поселки нельзя называть деревнями? Из-за небольших размеров? Но в книге упоминаются деревни с 2—3 хижинами и кварталы деревни с 12—13 хижинами. Может быть отличие в том, что поселок населяет не община, а лишь ее часть? Но пока нам известен лишь один признак, отличающий общину,— ее составляют жители одной деревни. И никакого выхода из этого порочного круга автор не указывает. Это открывает широкий простор для субъективизма в рассматриваемом вопросе. Положение еще более запутывается, когда мы узнаем, что в большой деревне может существовать не одна община, а несколько (стр. 76). По-видимому, с целью его упрощения Н. А. Бутинов категорически заявляет, что на Новой Гвинее выше общины могут существовать лишь союзы родов, которые носят племенной характер, не представляют в силу этого цельных социальных образований и ни в коем случае не могут быть названы племенами (стр. 198—199). Но как в таком случае быть с деревнями, включающими в свой состав несколько общин (стр. 76, 138—139), с белго упомянутым в книге племенем роро, члены которого занимали несколько деревень и возглавлялись одним вождем (стр. 140), с прочным и постоянным объединением пяти деревень нгаравапум, которое описывается в книге, но никак не характеризуется (стр. 122)? Никакого ответа на этот вопрос автор не дает. В своих теоретических построениях все эти факты он совершенно игнорирует. Между тем, существование у значительной части папуасов цельных социальных образований, включающих в свой состав несколько общин, является совершенно твердо установ-

¹⁸ M. Meggit, The Enga of New Guinea Highlands, стр. 295; L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law, стр. 44, 119; R. Bulmer, Указ. раб., стр. 8—9.

¹⁹ A. L. Gitlow, Указ. раб., стр. 35—37, 104.

²⁰ См. P. M. Kaberry, Law and political organisation in the Abelam tribe, New Guinea, «Oceania», vol. XII, № 4, 1942, p. 346; J. Nilles, Указ. раб., стр. 39—40; K. E. Read, The political system of Ngarawapum, p. 210—216; L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law, стр. 145—276; P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 40—43; R. M. Berndt, Указ. раб., стр. 291—370 и др.

²¹ См. там же.

²² См. K. E. Read, Cultures of Central Highlands, New Guinea, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 10, № 1, 1954, p. 5—6, 22—23; L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law, p. 88—93; D'Arcy Ryan, Clan formation in the Mendi Valley. «Oceania», vol. XXIX, № 4, 1959, p. 268; P. Brown and H. C. Brookfield, Указ. раб., стр. 40—43; P. Brown, Chimbu tribes, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 16, № 1, 1960, p. 27—28; R. M. Berndt, Указ. раб., стр. 232—269 и др.

ленным фактом. Прочные и постоянные объединения деревенских общин были обнаружены, в частности, у папуасов долины р. Маркхема, капауку, гахуку-гама²³.

Не сумев ни выделить папуасской общины, ни воспроизвести существовавшие в ней отношения Н. А. Бутинов не смог дать и научной классификации общин.

В свете всего сказанного выше проводимое Бутиновым различие между подавляющим большинством племен, находившимся на стадии расцвета первобытнообщинного строя, и меньшинством, вступившим на путь разложения этого строя, теряет всякий смысл. Многие, если не подавляющее большинство племен с родовой общиной могут быть отнесены к стадии разложения первобытнообщинного строя ни чуть не с меньшим правом, чем племена с гетерогенной общиной. Неудивительно поэтому, что Н. А. Бутинов по существу не может дать критерия, который позволил бы отличить родовую общину от гетерогенной. Как мы уже видели, совместный труд всех членов общины присущ «родовой» общине не в большей степени, чем гетерогенной. Не меняет положения и утверждение автора, что в «гетерогенной» общине ведущее значение приобретает труд «большой семьи» (стр. 118), ибо о самой этой «большой семье» из его книги мы равным счетом ничего не узнаем. Забывая об этом своем положении, Н. А. Бутинов везде, где заходит речь о племенах с гетерогенной общиной, описывает лишь малую семью. «Подобно тому как папуасская деревня состоит из хижин,— читаем мы в начале главы, следующей за той, где описывалась гетерогенная община,— община (родовая, гетерогенная, соседская) состоит из семей, живущих в этих хижинах. Семья включает мужа, жену и их потомство» (стр. 145). О большой семье здесь нет и речи.

Наконец, как на важное различие между родовой и гетерогенной общинами Н. А. Бутинов указывает на то, что в первой все мужчины принадлежат к одному роду, а во второй — к нескольким (отсюда и названия — родовая и гетерогенная). Но буквально тут же в качестве примера классической, типичной «родовой» общины он приводит общину нгаравапум, в которой мужчины принадлежали не к одному роду, а к нескольким, т. е. общину по данному признаку являвшуюся не родовой, а гетерогенной²⁴. А с другой стороны, в общине капауку, в которой мужчины принадлежали к одному роду и которая по этому признаку должна быть отнесена к «родовым», мы наблюдаем появление заимодавцев и должников, зарождение процента, погоню за богатством и престижем, появление первых форм эксплуатации²⁵.

Объем рецензии вынуждает нас оставить без рассмотрения целый ряд разделов книги Н. А. Бутинова, которые написаны совершенно в том же духе, что и рассмотренные. Остановимся в заключении лишь на причинах постигшей автора рецензируемой работы неудачи. Их немало, но главная из них, на наш взгляд, состоит в том, что автор не понял, что собственно представляют собой производственные, социально-экономические отношения, составляющие базис любого общества, и соответственно оказался не в состоянии их найти, выделить из массы общественных отношений. А не сумев выделить базис общества, он не смог понять и его надстройки.

С этой причиной неразрывно связана и другая, а именно, некритическое восприятие им господствующей в современной зарубежной этнографии концепции первобытности, нашедшей свое наиболее четкое выражение в уже упоминавшейся книге Дж. Мердока «Социальная структура». Н. А. Бутинов принимает и положение об извечности индивидуального брака и малой семьи и соответственно об отсутствии в далеком прошлом человечества группового брака и промискуитета, и положение о том, что род никогда не был и не мог быть основой социальной ячейкой, и тезис о принципиальном равноправии материнского и отцовского рода²⁶. Однако в то же время он не желает принимать делаемого зарубежными учеными на этой основе вывода о том, что первобытного коммунизма в прошлом человечества не существовало. Более того, он пытается уверить и себя и других, что данная концепция вполне согласуется со взглядом на первобытное общество как на базирующееся на коллективистических отношениях. Такая цель стояла перед ним и при написании рецензируемой книги. Стремление во что бы то ни стало представить общество подавляющего большинства папуасских племен, как подлинно коллективистическое, первобытнокоммунистическое (в то время как в действительности они уже находились на различных ступенях разложения этого строя) толкнуло его на путь затушевывания тех сторон жизни папуасского общества, которые явно не вязались с его характеристикой как первобытнообщинного эпохи расцвета. Результат оказался печальным. Общество папуасов, как оно предстает в книге Н. А. Бутинова, одинаково далеко и от первобытного коммунизма и от реальной действительности.

²³ K. E. Read, Social organisation in Markham Valley, p. 93, 98; его же, Cultures of Central Highlands, p. 36—41; L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law p. 15, 63—68, 76.

²⁴ K. E. Read, The political system of Narawapum, p. 193—204.

²⁵ L. Pospisil, Kapauku Papuans and their law, стр. 15—17, 77—88, 129—131.

²⁶ См. рецензируемую работу, стр. 6—8, 71—72, 151—152, 161—162, а также работы того же автора: Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинее, «Труды Ин-та этнографии», т. 80, М.—Л., 1962, стр. 180—182; Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты), сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.